

УДК 342(4/9)

ТЮРКСКОЕ ОБЫЧНОЕ ПРАВО В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

А.Р. Мухамадеев, кандидат исторических наук

О состоянии права в Волжской Болгарии историки упоминают лишь короткими фразами о применении норм обычного права языческими булгарами и наличии мусульманских судей, после принятия ислама. Описание правовых взаимоотношений (семейных, наследственных, налоговых, уголовно-правовых и т.д.) среди волжских болгар ограничивалось емкими высказываниями из свидетельств арабских авторов. В исторической литературе, как правило, об этом говорилось лишь общими фразами. Например, констатировалось что «в Болгарии были не только богословы, но и юристы, историки, философы, медики»¹. Касаясь государственного и социально-политического устройства Волжской Болгарии, исследователи приходили к выводу, что крупные феодалы имели поместья, укрепленные замки и дружины. Они осуществляли свою власть через государственный аппарат, ведавший казной, сбором пошлин и податей, судопроизводством и т.д.². В последние годы татарские исследователи все же пытались внести некоторую ясность в общественно-правовую историю Волжской Болгарии, среди которых можно назвать Г.Давлетшина, И.Измайлова, П.Казакова и Ф.Хузина.

Судебных органов как особых учреждений в Волжской Болгарии, как и в других раннесредневековых обществах, не существовало. Судебные функции выполняли органы власти и управления в центре и на местах. Суд не являлся отдельным институтом, судили князья, представители родовой аристократии, ханской администрации, служители культа, или же специ-

ально избранные для этих целей уважаемые в обществе люди. Судопроизводство производилось по нормам и правилам обычного права болгар, основанного на многовековых традициях тюркских народов. Трудно сомневаться и в том, что у волжских болгар как обособленной конфедерации племен сложилась своя судебная система с местными и вышестоящими судами.

Отсутствие прямых свидетельств о судах и судьях, принципах судопроизводства и судебного разбирательства по обычному праву волжских болгар вынуждают нас обратиться к сведениям о состоянии правосудия родственных волжским болгарам народов – хазар, гуннов, дунайских болгар и т.д., а также этнографическому и фольклорному материалу казанских татар и чувашей. При этом факт вхождения Волжской Болгарии в правовое поле Хазарского каганата (отношения сюзеренитета-вассалитета) позволяет нам, в некоторой мере, отнести источники по общественно-правовым взаимоотношениям хазар к прямым источникам по истории права болгар.

С.С. Бобчев, изучавший историю права дунайских болгар, определил обычай как самое раннее народное законодательство, автором которого одновременно являются все и никто. Обычай в древнеболгарском обществе являлся основой для принятия решений по всем спорным вопросам, «он был внушен еще первым судьям, которые в то же время были и первыми «законодателями» обычных норм, как и первые исполнители народных решений и приговоров. Эти судьи – выдающиеся люди общества, жрецы, кня-

зья. Они творили суд под открытым небом... решение их одобрялось всеми присутствующими. Общество своим присутствием и одобрением придавало силу решению, которое делалось обычаем и законом. Молчаливое согласие народа придавало санкцию обычному праву и законодательству. Сила юридического обычая коренилась в народном сознании, что — так добро и справедливо»³.

Из вопросов болгар к римскому папе Николаю I видно, что спорно-судебные дела среди дунайских болгар во второй половине IX века, несмотря на усилившееся влияние христианства, в подавляющем большинстве случаев разрешались на основе обычного права. При разрешении юридических вопросов они придерживались древнего обычая, например, при клятвах ставили перед собой меч и клялись им⁴.

Влиятельный придворный при Омеядских халифах в Испании Хасдаи ибн-Шафрут в письме к хазарскому кагану Иосифу (около 960 г.) испытывал неподдельный интерес к судебной системе этой страны: «чинит ли он (царь) сам суд или же поставляет судей...»⁵. Несомненно, Хазарский каганат был правовым государством, что отражалось и на его системе правосудия. Ал-Мукаддаси писал о хазарах: «их царь же — еврей; он имеет законы и судей мусульманских, еврейских, христианских и языческих». Жители государства могли обратиться за защитой своих нарушенных прав в любой суд исходя из своих этнических принадлежностей и религиозных мировоззрений. Волжские булгары, будучи зависимыми от власти кагана, также имели возможность по своему усмотрению выбирать удобную им форму правосудия, основанную на шариатских нормах или же языческих принципах. Вероятно, такое положение дел длилось до разгрома Хазарского каганата и уничтожения его государственной системы.

В целом религиозная терпимость тюрков и монголов была отмечена многими исследователями. С древнейших времен многие изгнанники за религиозные убеждения находили убежище у

тюрков, в VII веке приют предоставляли уйгуры. Хазарский каганат стал своего рода символом толерантности, где мирно и успешно сосуществовали язычество, христианство, мусульманство и даже иудаизм. Судебная система каганата была организована с учетом потребностей и особенностей всех религий и этносов. Ученым это обстоятельство трудно было не заметить. Ориенталист Григорьев, например, так охарактеризовал хазарское государство: «Держава хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в нее отовсюду»⁶.

Роль судьи в большинстве случаев вполне могли взять на себя жрецы, наподобие чувашских юмзя. В старину жреческие обязанности отправлял юмзя со своими помощниками. Без юмзя не обходились и частные жертвоприношения. Такие события в жизни, как рождение, бракосочетание, похороны и поминки, другие важные события, происходили непременно при участии юмзя. Н.В. Никольский говорит о том, как чувашаи охотно обращались к ним за советами. По наблюдениям Г.Ф. Миллера, занимавшегося этнографическими исследованиями в XVIII веке, чувашских «юммаз», черемисских «мушан», вотяцких «тонов» «по справедливости можно почесть за начальников их суетной и самовольно вымышленной жертвы; ибо все зависит от их повеления, где и когда, и каким образом службу служить...»⁷.

Судам у древних тюрков уделялось особое внимание и к ним нередко привлекались многие члены общества. Пословица из словаря «Дивани лугат ат-тюрк» гласит: «Уры копса огуш аклышур, йагы келсэ имрэм тебрэшур», что можно перевести как «Возникнет спор — соберется род, придет враг — встанет весь народ»⁸. Сход всех членов общины для решения спорных вопросов, как способ осуществления правосудия у древних тюрков, по своей сути, был одним из самых демократичных и справедливых. Решения принимались большинством голосов, что могло гарантировать их исполнение.

К компетенции сходов (сельских и волостных) у чувашей относился довольно широкий круг вопросов. Сход разрешал многие проблемы, касающиеся семьи, личности и общества чувашей. Например, воровство, засеивание чужого участка требовали удовлетворения у виновника. В случае упорства с его стороны старосте приходилось созывать сход. Общими усилиями виновника «принуждали удовлетворить потерпевшего»⁹. Эти сходы вполне можно отождествить с общественными судами у чувашей, решающими меру и степень наказания за преступления, упомянутые Каховским¹⁰.

Ибн Фадлан сообщал о гузах: «Когда кто-нибудь из них просит в чем-либо совета у своего главаря, он говорит ему: «Господи! Что я сделаю в таком-то и таком-то деле?». Дела у них решаются советом между ними. Однако, когда они сойдутся на чем-либо и решатся на это, приходит затем самый ничтожный из них и самый жалкий и отменяет то, на чем они уже сошлись»¹¹. Из сказанного видно, что при возникновении спорных вопросов гузы, в первую очередь, как к судьям обращались к своим «главарям», т.е. знатым сородичам. Судья обращается к верховному богу Тенгри и просит у него помощи в разрешении дела по справедливости, на основе древних тюркских обычаев. Собирается совет (сход) с судебными полномочиями, имеющий своей целью разобрать возникшую конкретную проблему. Однако решения, принятые в пользу одной из сторон, далеко не всегда удовлетворяют другую сторону. Слова ибн Фадлана о том, что решения «совета» может отменить «самый ничтожный и самый жалкий», не следует понимать дословно, т.к. для правоверного араба не могло существовать другого правосудия, как на основе шариата, а судья должен был быть истинным мусульманином (кади).

В организации судопроизводства этого периода в целом еще отчетливо проступают архаичные черты. Судебный процесс в древних обществах носил ярко выраженный состязательный

характер. Судебное разбирательство, где обе стороны (истец и ответчик) обладали равными правами, начиналось только по инициативе истца. Судопроизводство было устным и гласным. Значительную роль в системе доказательств играли ордали («суд божий») и тесно связанные с ними присяга (клятва) и жребий. Нередко на практике существовал и судебный поединок, о чем упоминали средневековые арабские авторы, например, у русов.

В лироэпическом сказании общетюркского характера «Кузы-курпач и Баян-сылу» герой прижимает горячий курмац (жаренные в котле пшеница или ячмень) к груди матери. Мать, не выдержав боли, была вынуждена рассказать Кузы правду о его нареченной. Описанный мотив имеется в подавляющем большинстве национальных версий, а также во многих нартских сказаниях. У.Б. Далгат считает, что подобные допрашивания могут быть сопоставлены с историческими данными: «Форма подобного допроса, запечатленная в эпосе, имеет свои исторические аналогии в древнеиранском праве судебных испытаний, так называемых ордалий; подобные испытания обвиняемого были зафиксированы и на Кавказе... Судебные испытания иранцев проводились огнем либо с помощью кипятка, из которого испытываемый должен был вынуть кольцо»¹².

При судебном разбирательстве, выявлении обстоятельств дела и виновных лиц привлекались очевидцы, свидетели, применялись вещественные доказательства. В VIII–IX вв., например, судебный процесс производился в Дунайской Болгарии, как и у салических франков, в суде присяжных, число которых, согласно «Закону судного людя», колебалось от 3-х до 11 человек¹³. Судья по некоторым источникам, у древних тюрков существовал и институт поручительства. В словаре М.Кашгари, например, записана поговорка «Эл тутгынча от тут»¹⁴, т.е. «Лучше возьми в руки огонь, чем поручительство (за кого-нибудь)». Кроме наличия ордалий, в данном случае, связанных с ог-

нем, пословица говорит о высокой ответственности того человека, который будет давать какие-либо гарантии за другого человека. И то и другое, как правило, использовалось при совершении правосудия. У Н.Исанбета эта поговорка в татарских вариантах записана как «Йөккә кергәнче утка кер» («Лучше войди в огонь, чем в обязательство (поручительство)») и «Кеше йөгенә кермә» («Не входи в чужое обязательство (поручительство)»)¹⁵.

Г.Ф. Миллер, участник Сибирской экспедиции Академии наук (1733–1743), указывает, что к присяге языческих чувашей в судах приводили следующим образом: «посолив и воткнув на нож кусок хлеба, йомся клал его в рот присягающему, который, съедая хлеб, говорил: «чтобы мне никогда этого не видеть, если я лгу, или если я не исполню своего слова». Вступающим в военную службу вместо присяги давали посоленные куски хлеба концами двух палашей, сложенных крестообразно»¹⁶. Бытование этого обычая среди чувашей отмечено в произведениях и других этнографов. Его отголоски наблюдались еще и в начале XX века. Например, в некоторых чувашских селениях при раздорах, чтобы рассеять подозрения, обвиняемого заставляли держать топор (т.е. давать клятву) через спину лошади. По наблюдениям этнографов, при клятвах и присягах чувашки клялись священными и обожествленными для них предметами. Например, в доказательство справедливости своих слов чувашки клялись солнцем со словами: «да померкнет для меня солнце, если я лгу», «клянусь солнцем, не брал» и т.д.

Такие клятвы давались лишь в серьезных случаях в твердом убеждении, что карающая сила солнца накажет клятвопреступника. Обожествленное солнце представлялось чувашам, с одной стороны, как существо вредоносное, приносящее несчастья и уничтожающее жизнь, с другой – карателем всякого зла и лжи. По древнечувашскому обычаю, при спорах также клялись землей. Чтобы рассеять подозрения, обвиняемый ел (принимал в рот) землю. По

поверьям чувашей, если виновный при произношении слов этой клятвы обманывал, то он становился черным, как земля, и через год умирал¹⁷.

Интересен факт биения вора по голове дубиной и «бодание» железными крюками в ребра у дунайских болгар. Несмотря на то, что эти действия с первого взгляда и можно принять за казнь, они больше напоминают ордалии или даже пытки, чем окончательное наказание за содеянное. Ситуацию проясняет К. Иречек, который говорит: «Правосудие у них было варварское. Ежели ловили кого-нибудь в воровстве или грабеже, и тот не хотел добровольно сознаваться в преступлении, которое на него взводили, судья бил его палкой по голове, или так долго колот ему железным острием бедра, пока не вынуждал сознания»¹⁸.

Однако, исходя из того, что били палкой до полного признания вины, не совсем понятно, речь идет об ордалиях, т.е. испытаниях на честность и правдивость подозреваемого, или все же о пытках человека действительно виновного (признанного виновным), но не желающего признать свою вину. Источники по Волжской Болгарии не сообщают о подобных процедурах. Вместе с тем некоторый свет на определение их предназначения могут пролить примеры из народного фольклора казанских татар. В собрании татарского фольклора Н.Исанбета мы встречаем следующие поговорки: «Таныган таяк ашаган», которую можно перевести как «Признал вину – значит, был бит палкой» или «Угры таяктан, саран карактан, комагай тамактан үлә», т.е. «Вор умирает (пострадает) от палки, жадный – от вора, прожорливый от голода». Другая татарская поговорка относительно судебных разбирательств, записанная в XIX веке К. Насыйри, гласит: «Башыңа төшәсе таякны үзең бел», т.е. «Помни о палке, угрожающей твоей голове». В первом случае, на наш взгляд, битье палкой больше принимает значение как способ наказания, во втором – больше как угрозы наказания или предстоящего испытания. Такие же испы-

тания ожидали человека, попавшегося в поле зрения или застигнутого вместе с вором: «Карак белән бергә тотылсаң, котылырмын димә» («Не думай, что избавишься от ответственности, если попадешься вместе с вором»)¹⁹.

В начале IX века болгарский хан Крум (802—814 гг.) ввел новые законы, которые дошли до нас в полуполюгендарном состоянии в изложении византийского писателя X века Свида. Несмотря на отрывочность сведений Свида, историки делают вывод, что новое законодательство было призвано укрепить и защитить феодальные порядки. Прежде всего, в законах Крума был установлен новый порядок рассмотрения судебных тяжб, сменивший существовавшую ранее систему ордалий и присяг. По закону Крума, человек, не сумевший доказать свою невиновность подлежал смертной казни, как лжесвидетель и клеветник. В целом законодательство Крума установило строгое наказание за кражу и укрывательство краденого²⁰.

Высшей судебной инстанцией являлся сам хан. Наличие высшей судебной власти в руках правителя болгар прослеживается в сообщениях, относящихся к дунайским болгарам второй половины IX века. Ал-Бекри сообщает, что «царь их... приказывает и запрещает (установленным) порядкам и церемониям, как оно привычно царям и вельможам»²¹. Учитывая, что до этого ал-Бекри говорил о многочисленных чиновниках и управляющих царя на местах, данный отрывок следует отнести к отношению болгарского правителя к правосудию в том числе.

Византийский посол Приск, четырежды лично видевший короля гуннов Атиллу, сообщал, что один раз он видел его в шатре сидящим в деревянном кресле, два раза в пирах в деревянном дворце, один раз он наблюдал гуннского правителя в роли судьи, выслушивающего, стоя на крыльце, речи тяжущихся сторон²².

Высшая судебная власть в руках правителя Хазарии со временем трансформировалась и утвердилась в следующей форме — главным судьей страны являл-

ся царь (каган-бек), соправитель кагана. Царь или бек хазарский пользовался большой властью в своей стране. Он решал вопросы войны и мира, предводительствовал на войне, повелевал зависимыми князьями, собирал дани и пошлины, судил и наказывал. В трудах ал-Истахри и ибн Хаукаля, наряду с общими с другими арабскими авторами сведениями (наличие семи судей из иудеев, мусульман, христиан, язычников и пр.), можно встретить более полную картину системы правосудия и интересные детали о правителе как о высшей судебной инстанции в государстве. Ибн Хаукаль, в частности, сообщал, что в Хазарии преобладают языческие обычаи, «судейство у них ведется по древним обычаям, которые отличаются от мусульманской религии и христианской, и иудейской»²³.

Как можно понять из сообщений ибн Хаукаля, суды были доступными для населения, независимо от вероисповедания и происхождения, к указанному семи судьям мог обратиться со спорным вопросом любой человек «из знати и простонародья». Далее автор пишет: «И никто не является со своей нуждой к самому царю, а приходят к этим [людям] и излагают свою нужду и что они предъявляют. А между этими людьми и царем есть посредники, через которых сообщают, что происходит, что появляется между ними (тяжущимися), и доводят до него, что будет у них, а он отвечает им при этом свое решение, что им делать»²⁴. В сообщении имеется несколько интересных моментов. Во-первых, наличие при решении судебных дел некоего «посредника», через которого судьи доводили суть спорного дела царю и выносили свое решение на основании его вердикта. Должно быть, это было доверенное должностное лицо, через которое царь не только осуществлял, но и контролировал правосудие в государстве. Во-вторых, ибн Хаукаль относит деятельность «посыльного» не с отдельно взятой категорией судей (мусульманских, христианских, иудейских или языческих), а с судьями в целом. Налицо высшая судебная власть

царя в государстве в отношении всех существующих форм правосудия.

Впрочем, наиболее сложные и важные дела хазарский рассматривал и сам. Ибн Хаукаль приводит рассказ об одном судебном деле, решенном самим царем, в отношении некоего торговца, отправившего по делам сына «во Внутреннюю Булгарию». Он, описывая обстоятельства дела, не говорит, каким судом разбиралось дело о наследстве (шариатским, христианским или иным), однако мы видим, что хазарский царь, вступив в права верховного судьи, разрешил дело по обычному праву, напоминающему ордалии. Этот пример является подтверждением слов и самого ибн Хаукаля, который говорит, что судопроизводство у хазар ведется «по древним обычаям»²⁵.

Сообщения ибн-Фадлана о том, как болгарский царь разъезжал по публичным местам, а также исправно собирал дань с подданных, не оставляют сомнений, что его власть практически ничем не отличалась от власти правителя любого другого раннеклассового государства, которая, распространяясь на большую территорию, фактически сводилась к сбору дани и осуществлению судебных функций. Отголосками того, что высшей судебной инстанцией у волжских болгар являлся сам хан, являются примеры из народного фольклора. Легендарный Темень чувашской мифологии — великий полководец и премудрый правитель одновременно считался и верховным судьей — «умиротворял

враждующих чувашей и судил справедливо»²⁶.

При объезде царем болгар своих подданных никто из тех, кто встречался ему на пути, не мог оставаться сидящим, а вставал и в знак почтения клал свою шапку под мышку. Надеть шапку и заниматься дальше своими делами он принимался только тогда, когда правитель проезжал его. Отголосок болгарского обычая держать шапку под мышкой при встрече с почитаемыми людьми Г. Давлетшин видит в сохранившейся татарской поговорке «Картлар сузен ишеткэндэ, буркенне куенына куй», т.е. «когда слушаешь слово дедов, возьми шапку под мышку»²⁷.

Источниковый материал относительно судов волжских и дунайских болгар, хазар, гуннов и др., дающих возможность проследить их судопроизводство, позволяет нам сказать следующее. Судебная система и принципы судопроизводства Волжской Болгарии были основаны на общетюркских принципах и правилах. Отсутствие свидетельств об исключительных явлениях судопроизводства волжских болгар (как, например, об уникальных видах наказания) может говорить лишь о том, что авторы источников (русские летописцы, арабские путешественники и т.д.) были знакомы с тюркской системой правосудия в целом. Возможно, волжским болгарам не было необходимости перекладывать на бумагу нормы обычного права, действующего практически у всех тюркских народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы по истории Татарии. Вып. 1 /Отв. ред. И.М. Климов/. — Казань: Таткнигоиздат, 1948. — С. 179.

² *Амирханов Р.М.* Тюрко-татарская философская мысль средневековья (13—14 вв.). — Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. — С. 70.

³ *Бобчев С.С.* Обычай и закон (Страницы из «Древнеболгарского права»). — Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1906. — С. 3.

⁴ *Денисов П.В.* Этнокультурные параллели дунайского болгар и чувашей. — Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1969. — С. 83.

⁵ *Гаркави А.Я.* Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. — С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1874. — С. 85, 115.

⁶ Цит. по: *Мухаммадеев А.Р.* Шариатская комиссия при Народном комиссариате юстиции ТАССР (начало 1920-х гг.). — Казань: Издательство ДУМ, 2009. — С. 48.

⁷ Герард Фридрих Миллер. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемись, чуваш и вотяков. — Санкт-Петербург, 1791. — С.63.

- ⁸ М. Кашгари сүзлегендәге мәкалләр һәм әйтемнәр // Борынғы татар фольклор мәсьәләләре. — Казан: СССР Фәннәр академиясе Казан филиалы, 1984. — С. 136.
- ⁹ *Никольский Н.В.* Краткий конспект... — С. 64.
- ¹⁰ *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. — Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1965 — С.440.
- ¹¹ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы, комментарии. — Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. — С. 125.
- ¹² *Урманчиев Ф.П.* Героический эпос татарского народа. — Казань: Тат. кн. изд-во, 1984. — С. 176.
- ¹³ История Болгарии. Т. I. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. — С. 64—65.
- ¹⁴ М. Кашгари сүзлегендәге... — С. 137.
- ¹⁵ Нәкый Исәнбәт. Т. III. Татар халык мәкалләре. — Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1967. — С. 373.
- ¹⁶ *Денисов П.В.* Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей... — С. 84.
- ¹⁷ *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш (Историко-этнографические очерки). Чувашское государственное издательство, 1959. — С. 13—14, 22.
- ¹⁸ *Иречек К.* История болгар. — Варшава: Типография Михаила Земкевича, 1877. — С. 122.
- ¹⁹ Нәкый Исәнбәт. Т. 3. Татар халык мәкалләре... — 368, 373, 374 б.
- ²⁰ История Болгарии... — С. 68.
- ²¹ *Куник А., Розен В.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 1. — Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1870. — С. 52.
- ²² Иордан. О происхождении и деянии гетов (Getica) / Вступ. статья, пер., коммент. Е.Ч. Скржинский. — СПб.: Алетейя, 2000. — С. 310 прим.
- ²³ Ибн Хаукаль «Китаб ал-масалик ва-мамалик» («Книга путей и государств»). Перевод и комментарии О.Большакова / История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. — Казань: Издательство «РухИЛ», 2006. — С. 747.
- ²⁴ Ибн Хаукаль «Книга путей и государств». Перевод и комментарии О.Большакова... — С. 747.
- ²⁵ Там же. — С. 747—748
- ²⁶ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч.1. О жизни и борьбе народа с древнейших времен до XVI века. — Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1983. — С. 23.
- ²⁷ *Давлетшин Г.* Устное народное творчество и литература в Болгарии / История татар... Т. II... — С. 575.

Аннотация

Автором статьи поставлена задача выявить основные принципы судопроизводства Волжской Болгарии доисламского периода. Судебно-спорные вопросы данного периода развития Волжской Болгарии разрешались на основе древнего тюркского обычного права и, по сути, соответствовали судопроизводству других тюркоязычных государств. Материал подкреплен сведениями о разрешении судебных исков и тяжб родственных булгарам народов, а также этнографическим материалом из жизни казанских татар и чувашей.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Дунайская Болгария, Хазарский каганат, тюрки, обычное право, суд, клятва, ордалии, высшая судебная власть, казанские татары, чуваш.

Summary

The author of the article put the goal to identify the basic principles of justice of the Volga Bulgaria of the pre-Islamic period. Judicial and contentious issues of this period concerning the development of the Volga Bulgaria were resolved on the basis of the ancient Turkic customary law and, in fact, consistent with legal proceedings of other Turkic states. The material is supported by information on the resolution of lawsuits and claims related to Bulgars peoples, as well as ethnographic material from the life of the Kazan Tatars and Chuvash.

Keywords: Volga Bulgaria, Danube Bulgaria, Khazar Khanate, Turks, customary law, the court, an oath, ordeals, the highest judicial authority, Kazan Tatars, Chuvash.